

Александр ЛИВЕНЦОВ

ПУАНТИЛИЗМ ПО СЭЛИНДЖЕРУ

Марта Антоничева. 1003-й свободный человек. – М.: Эксмо, 2021. – 74 с.

Кандидат филологических наук, финалист премии «Дебют» в номинации «Критика и эссеистика» (2006), участник форумов молодых писателей России, автор журналов «Волга», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Урал» – это всё о Марте Антоничевой. Продолжить список изданием сборника рассказов закономерно и вызывает особый интерес.

«...его чашка почернела изнутри и напоминала заброшенный колодец...» – цитата из книги, и отчасти ощущение живописной заброшенности преследовало меня на протяжении всего чтения. Здесь нет нарочитых красот, но присутствуют те условные трещинки, пятнышки, состаренность и хрупкость, которых не избежать с ходом времени – всем этим Антоничева наделяет живых людей, обстоятельства и сами сюжеты. То, что в повседневной жизни мы пропускаем мимо себя, эти вот немые чашки, в «1003-м свободном человеке» подаёт голос, заявляет о себе наравне с персонажами, и ещё вопрос, кто громче.

Любая литературная школа, тем более если речь о малой форме, будет настаивать на цепляющем начале и крепкой концовке. Первое в рассказах Антоничевой заслуживает отдельных слов, о чём ниже, а вот концовки, как по мне – размыты, растворены в тех самых деталях, концовки увивают, словно нарочно. И в данном случае я избегаю говорить о недостатке, вероятно, это намеренное решение, поиск стиля, ставка на ощущение повисшей ноты, ещё долго звучащей где-то рядом. Послевкусие – главный козырь прозы Антоничевой, и, как в пуантилизме, оно складывается из массы штрихов и «словесных точек» (извиняюсь за самодельный термин), которые организуют полутона, а те в свою очередь – означенное послевкусие. Чем-то подобный механизм напоминает прозу Сэлинджера: то же ощущение потерянности во времени и в отношениях с людьми, но вопреки ему острое, крепко оформленное, почти болезненное чувство сквозняка в душе – чувство живого тонкокожего человека по ту сторону текста.

Может сложиться впечатление, что сюжеты Антоничевой лёгкие и светлые – впечатление ложное. Почти все рассказы откровенно жестоки или имеют хоть одну жуткую сцену: тут муж избивает жену, там жена орёт на мужа до оглушительной истерики; или вынесен приговор, вследствие которого свою жертву надо натурально съесть (не всю, только малую часть); или одноклассница расквиталась за обиды с половиной класса; или расписаны ужасы роддома... Напомню, всё предельно детализировано и сдобрено фактурой – полнота картины, как в калейдоскопе, образуется из массы нюансов. Если ребёнок заболел ротавирусом – то с обилием отправок и даже с невольным комизмом: «...сестра с женихом уехали, потрепав ребенка по плечу на прощание: “Все будет хорошо”. Тот блеванул спросонья кому-то из них на ботинки...». Если ограбили квартиру – самые ценные остатки дочистят полицейские; если в повествовании присутствует начальник – он деспот и подан во всех красках: «...у начальника была небогатая фантазия и пара-тройка сценариев, которые он любил разыгрывать с подчиненными. Те, кто не хотел с ним играть, обычно писали заявления по собственному желанию...» – наглядно, жизненно.

Персонажи и сами истории во многом избыточны. Вероятно, и это осознанный авторский шаг в попытке докричаться до читателя, искушенного обилием ужасов из каждодневных сводок новостей. В конце концов, искусству свойственно сгущать краски, и потому означенная выше истеричка-жена если истерит, то с размахом: «...заказанные в салоне итальянские шторы оказались короче, чем окна, и жена изодрала их от злости в клочья...» А общение в чате с одноклассницей давних лет становится для мужчины в

кризисе настолько важным, что: *«...однажды в их отношениях случилась катастрофа – кто-то украл у нее телефон, и он рвал на себе волосы целый день, куда же она запропастилась? Когда вечером получил сообщение в фейсбуке, сразу купил ей новый в онлайн-магазине...»*

Нельзя не признать, что суровая действительность «1003-го свободного человека» во многом правдива. Антоничева ловит эти мелочи быта, даже те, что проскальзывают в мыслях, и потому её героиня не вступает за женщину, которую в соседнем номере лупит муж – да и многие не заступятся, дай бог вызовут полицию (чем и кончается). И потому общение в сети, и суждения о людях на том конце интернета вполне убедительны: *«...Надя, давняя знакомая Алины, считала, что отправлять ничего не стоит. По ее словам, такие люди уверены, будто другие им обязаны. “Думают, наверное, мы богатые”, – написала она и поставила кучу смайликов...»* – верно вплоть до череды смайликов. Мать одного из героев уходит в чёрный список только потому, что регулярно просит денег – беда, но что-то подсказывает мне – и это не фантастика. И да, пожалуй, каждая женщина приходит в отчаянье после родов, сталкиваясь с очевидным: *«...к тому же ребенок отличался от ее представлений о младенцах – толстых трехмесячных детей с упаковок подгузников или открыток...»* Наконец, нельзя не признать точность наблюдения, которому посвящён не один мем: *«...Наталья вспомнила ухоженную, пропитанную силиконом супругу начальника...»*, вполне уместное сочетание слов «ухоженную» и «пропитанную».

Почти все семейные пары в рассказах Антоничевой несчастны, они или уже расстались («Инопланетянка» и «Кусок пластика» с этого начинаются), или идут к фиаско. Увы, учитывая статистику разводов, эта тенденция «1003-го свободного человека» тоже правдива. Даже отношения тех пар, где, казалось бы, нет очевидного разлада, приправлены едким сарказмом: *«...несколько лет подряд она занималась ведением блога, или, как шутил муж, “собираением ненужного хлама” и “пусканием пыли в глаза”...»* или *«...жена немного скривилась (“Опять твои подростковые приколы”), но была не против...»* Парадоксальным образом самые «здоровые» отношения показаны в рассказе, давшем сборнику название, но, чтобы понять прелесть парадокса, рассказ надо прочесть, обойдусь без спойлеров. Самая авангардная история в этом отношении – «Тамагочи»: проснувшись однажды, муж обнаруживает в постели вместо жены грушу для битья (привет Кафке). Разумеется, то, что обратилась она не чем-либо, а именно грушей для битья, необходимая сюжету аллегория.

В нескольких историях Антоничева показывает скорое будущее, незавидное, прямо скажем, но интересно то, что ощущается оно как самое что ни на есть настоящее – точно это не фантастика вовсе, а иной вариант наших будней, и заглядываем мы не на десятки лет вперёд, а на год-два максимум. Царит там всё то же бездушие наших дней, но ряд технологий дают ему набрать критическую массу.

Отдельно хочется отметить удачные начала рассказов, самые первые их предложения: *«Церковь занимала весь 18-й этаж развлекательного центра...»* («Разговор с человеком»); *«Почтовый ящик напоминал мусорный...»* («Руководство к действию»); *«Андрей очень любил работу и совсем не любил жену. Первая придавала ощущение собственной значимости, вторая – напрочь лишала...»* («Ну же, Бог»).

Впрочем, эти удачи будут ждать и в самом тексте, читается он легко, сравнения остроумны и, что немаловажно, – запоминаются. Несколько примеров: *«...ее ждал невысокий мужчина средних лет, с лицом, напоминавшим ржавую лопату...»*; а так описан взволнованный тон письма: *«...буквы были более угловатыми, казались составленными из ломаных палок...»*; а это живописный образ ленивого увальня: *«...мужчина завтракал, положив ногу на ногу: одна была чем-то вроде столика, на котором лежал бутерброд с маслом, вторая – упором...»*; вот известная всем картина горожанина в деревне: *«...кто так избаловал ребенка, что он шагал, словно цапля, через посадки картошки, стараясь их не задеть и не поймать на одежду безобидных*

букашек...»; а от этой картины так и хочется вспомнить «Человека-амфибию»: *«...там ковырялись бомжи, занырявая все глубже, словно ловцы жемчуга...»*; и кто не любовался в солнечный день подобными красотами: *«...пыль всегда висела в воздухе, как космический мусор, вращающийся вокруг Земли...»* Наконец, приведу лаконичное описание чувства детства: *«...те времена, когда от них требовалось только делать уроки, слушать родителей и не облизывать качели на морозе...»*.

Напоследок о иронии, с которой Антоничева упоминает явно важную для неё тему книг и чтения, так или иначе в своих текстах её поднимают все писатели: *«...каждое утро Наталья Николаевна собирала книги по всем комнатам и складывала в одну высокую стопку на журнальный столик. Чтение казалось бабушке блажью, бестолковым занятием, не приносящим никакой пользы»*.